

БОЛЬШАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПРОЗА ДАВИДА МАРКИША

ДАВИД МАРКИШ

ТУБПЛИЕР

МОСКВА 2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Оформление серии *С. Прохоровой*

Иллюстрация на переплете *Л. Кузнецовой*

Маркиш, Давид.

М26

Тубплиер : роман / Давид Маркиш. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 352 с. — (Большая литература. Проза Давида Маркиша).

ISBN 978-5-699-90545-4

В стародавние времена, когда туберкулез уже научились лечить, но антибиотика еще хватало не всем, у журналиста Влада Гордина, несколько лет назад удачно откосившего от армии, находят в легком туберкулому. Санаторий «Самшитовая роща», а не вольные журналистские просторы — вот отныне место его пребывания. Тубики со всей страны находятся тут под строгим контролем. Чтобы скрасить унылые будни, интеллигенты создают орден Тубплиеров и начинают тайно заседать и веселиться. Среди них быстро заводится стукач и сдает орден с потрохами... Тубплиеры решают отправиться пешком к морю. Гордин среди них — хотя знает, что дни его сочтены...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Маркиш Д.П., 2016
© Кузнецова Л., иллюстрация
на переплете, 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-90545-4

1

Ворота стояли посреди забора — двустворчатые, стрельчатые. Они возвышались над забором на добрую голову, как боевая башня над крепостной стеной. Чугунные стрелы, пики и луки, сплетаясь, составляли ажурное полотно ворот, подбитых изнутри плотно подогнанными досками, побуревшими от дождей, а на волю глядело это черное чугунное кружево. Глухой забор, врытый в горный склон, рассекал пейзаж надвое и не позволял Владу Гордину, стоявшему перед воротами с чемоданом в руке, разглядеть, что там, внутри.

«Лета, — подумал Влад Гордин, — вот она, река Лета, маслянистая и темная, течет себе, скрытая

забором от солнечного мира, и мир ничего о ней толком не знает. И этот амбал с шеей грузчика, этот жуткий тип сидит на веслах в своем челноке; шагни в калитку — угодишь к нему в лапы».

Дорога к забору вела снизу, от автобусной остановки «Самшитовая Роща», и упиралась лбом в узорные ворота. Калитка была тщательно врезана в правую створку — те же пики, и стрелы, и доски за ними — и как будто не запиралась никак: добро, мол, пожаловать, дорогие товарищи! Влад поставил чемодан на асфальт, сел на краешек и закурил свой «Дукат» из узкой оранжевой пачечки. Затянувшись поглубже, он прощально огляделся. Горы, заросшие неведомыми кавказскими деревьями, красиво громоздились и подступали к дороге. Невидимые птицы, укрывшись в мощной зелени крон, пели на иностранном языке. Пахло лесной свежестью и флоксами. Сероватый сигаретный дымок, восходя к небу, казался здесь неуместным, чужим, но Влад не спешил гасить сигарету. Сидя на чемодане против калитки ворот, он вообще никуда не спешил. Он пришел, дорога привела его на Кавказ — красивый, ароматный, винно-шашлычный.

Эта дорога началась неделей раньше, в Москве.

В Москве было зябко, сыро. Хрупкий хребет весны еще не окреп и не заостенел, едкая пыль лета еще не коснулась только-только выползших из

чрева почек новорожденных клейких листьев. Кое-где в тени сохранился ноздреватый темный снег, и зимняя жизнь уходила из него вместе с талой весенней водой. Зима сломалась, морозец огрызнулся по ночам.

В жидкой очереди к окошечку военкомата перед Владом молча переминалась с ноги на ногу тройка молодых людей с озабоченными лицами — в военкомат по своей воле не идут, это понятно. От нечего делать Влад разглядывал мающихся ребят перед собой, лениво гадал, что за напасть их привела сюда, в этот обшарпанный предбанник с портретом Хрущева на стене. Сам Влад со своим «розовым билетом» в кармане не испытывал здесь беспокойства: в мирное время в армию он не призывался, в военное — в предвиденном случае нападения на Советский Союз коварных капиталистических врагов — должен был вступить в борьбу в качестве рядового необученного.

Такое мудрое решение вынесла четыре года назад призывная медицинская комиссия, и Влад Гордин был совершенно им доволен. Нельзя сказать, что оно тогда слетело с небес само по себе, как жар-птица. Нет-нет, Влад птичку эту на медкомиссии старательно подманивал и беззвучно выкликал. Он не хватал со стола пузырек с чернилами и не выливал его содержимое себе в рот, не размазывал

канцелярский клей по голове: косить под психа было делом поверхностным и бесперспективным. Он пошел другим путем. Ненавязчиво пожаловавшись на неотпускающую головную боль и резь в глазах, он был посажен на высокий табурет и, сосредоточенно следуя взглядом за пальцем старика-глазника в белой шапке, сжал волю в кулак и принялся, подобно коту, расширять и сжимать зрачки. Он знал за собой это цирковое умение, гордился им — его приятели в лучшем случае двигали ушами, да и то с большим трудом — и рассчитывал, что именно оно принесет ему освобождение от службы в Вооруженных силах. Глазник отметил усилия Влада Гордина, сказал: «Гм!» — и спросил, давно ли у него это. Влад ответил, что давно. Потом другие врачи вслушивались в ход внутренней жизни Влада через стетоскоп, велели приседать, проверяли слух и давление крови, колотили молоточком по колену. Влад подчинялся с готовностью: зрачки, похоже, сработали, дело было в шляпе. В результате допризывника Гордина направили на дополнительное обследование в стационар. И это тоже было здорово.

В больнице Влада Гордина, раздев до пояса, уложили на железный стол, над которым с неприятным скрежетом бегала, как игрушечный паровозик по рельсам, какая-то штуковина. Влад не сводил глаз с этой штуки и прилежно работал зрачками.

Он знал, что от его усердия зависит, забреют его на три года в армию или не забреют, и старался вовсю. Через три недели его вызвали в военкомат, вручили «розовый билет» и без лишних слов отпустили на все четыре стороны.

Теперь, стоя в очереди перед окошечком военкомата, Влад Гордин даже не вспоминал ту историю четырехлетней давности: было, прошло. Вот сейчас он получит от военных конверт, а в том конверте — билет на самолет, и завтра улетит на Камчатку. Армия платит за билет, и на том спасибо. И это как бы аванс: будет война — отправят рядового необученного Гордина в какую-нибудь фронтовую газету писать репортажи. Впрочем, Влад был уверен в том, что аванс ему не придется отработать: если американцы долбанут своими атомными бомбами, тут уже будет не до репортажей. Какая там война, честное слово! А Камчатку хотелось посмотреть.

— Гордин, — протягивая военный билет в окошечко, сказал Влад. — Владислав Самойлович. — И, наклонившись, заглянул.

В окошечке сидел пожилой лейтенант, на столе рядом с его локтем лежала пачка «Беломора» и спичечный коробок.

— По какому делу? — нелюбезно спросил лейтенант.

— Я из Союза писателей, — изогнувшись в по-
ясе, пустился в необходимые разъяснения Влад. —
Комиссия по военной литературе. Тут у вас билет
для меня должен лежать на завтра, я лечу на Кам-
чатку.

— На Камчатку? — переспросил зачем-то лей-
тенант. — Ждите! — И захлопнул свое окошечко
фанерной шторкой.

Ждать пришлось недолго. Из обшитой желез-
ным листом двери, ведущей внутрь помещения,
выглянул поджарый щуплый майор со свинцовы-
ми глазами и поманил Влада Гордина. Шагнув за
порог, Влад очутился в тесной комнате с зареше-
ченным окном. Стены комнаты были выкрашены в
блеклый зеленый цвет, торцом к окну, к решетке,
стоял конторский стол под зеленой скатертью в обя-
зательных чернильных пятнах. Крепкий стул был си-
ротливо отодвинут. Со стены сыто и хитро глядел
Хрущев. Майор по-строевому пробухал сапогами по
полу, придвинул стул к столу и прямоугольно усел-
ся. В руках у него оказался военный билет Влада,
офицер листал книжицу, мусоля страницы.

— Гордон? — целясь во Влада из двух своих
свинцовых стволов, вдруг заорал майор.

— Гордин, — твердо поправил Влад. — И вы...

— А что ж ты тогда живой? — не обратив внимания на поправку, продолжал бушевать майор. — А? Отвечай!

— То есть как?.. — удивился Влад, почти не веря ушам.

— А так! — орал майор. — Мы тебя уже, считай, списали! Ты повестки наши получал?

— Не получал, — соврал Влад. Повестки он получал и, не распечатывая, выкидывал их в мусорное ведро: чего сюда ходить, в военкомат, если мир на дворе.

— Мы думали, ты сгнил уже от своего туберкулеза! — Майор с маху шмякнул ладошкой по столу. — Ты у меня под суд пойдешь!

— Какой туберкулез? — злясь, спросил Влад Гордин. — И не орите на меня!

— А это что? — тыча военным билетом, спросил майор. — Ну, что?

— Где? — сердито потребовал уточнения Влад.

— Вот! — Мутный ноготь майора впился в строчку на открытой страничке билета.

— Тут цифры какие-то, — сказал Влад. — Тире.

— Туберкулез это! — снова заорал майор. — А ты что, хочешь, чтоб мы тебе стихами, что ли, про это писали?

— Нет у меня никакого туберкулеза, — примирительно улыбаясь, сказал Влад. — Ошибка это. — Он

искал, на что бы сесть, но второго стула не было в комнате.

— Ты дурака давай не валяй, — не принял примирения майор. — Ты медкомиссию проходил?

— Проходил, — кивнул Влад Гордин. — У меня по глазам негодность, там должно быть написано. — И указал на военный билет в руке майора.

Майор полистал, поискал. Не нашел.

— Нету, — сказал майор и поглядел на Влада Гордина ужасно, как будто это он, Влад, только что взял и украл из документа важную государственную запись.

— Я-то тут при чем? — Влад пожал плечами. — Мне завтра на Камчатку лететь, я за билетами пришел.

— Ну, так... — подумав, решил майор. — Ты мне справку принеси.

— Какую справку? — спросил Влад.

— Из районного тубдиспансера, — объяснил майор. — Что ты у них на учете не состоишь. Ты в каком районе проживаешь?

— В Советском, — сказал Влад Гордин.

— Вот оттуда и неси, — подвел черту майор.

Найти туберкулезный диспансер в кривом переулке за Большой Грузинской, за Зоопарком, было непростым делом. Учреждение со страшным названием, пугающим добрых людей, как гадюка в тра-

ве, словно бы продуманно запрятали подальше от оживленных улиц, в тупике глухого двора за хулиганской подворотней.

Сойдя с трамвая, Влад зашагал на легких ногах, выглядывая названия переулков. Расспрашивать редких встречных, где тут туберкулезный дом, ему и в голову не приходило: это было бы ничуть не лучше, чем наводить у прохожих справки о кожно-венерологическом диспансере с его сифилисом или, в лучшем случае, заразной матросской почесухой. Адрес есть, нечего и спрашивать. До конца рабочего дня оставалось еще часа два, Влад рассчитывал получить справку и вернуться в военкомат, к майору, до закрытия. Не переносить же, в конце концов, завтрашний отъезд! Главное, не подхватить тут какую-нибудь заразу. А как? Дышать только носом или, наоборот, ртом? И ни к чему не прикасаться руками, вот это точно. Проклятый майор, ну и устроил развлечение! Там, наверно, очередь в этом проклятом диспансере, пока постоишь, нахватаешься палок по самую кепку. Палки Коха в колесе. Пошлятина какая!

Сырой двор перед туберкулезным диспансером был пуст, как ночное поле. Натянув рукав плаща на ладонь, Влад Гордин взялся за ручку двери.

В просторном помещении было пусто, только девушка в белом халате, сидевшая за регистра-

ционной стойкой, взглянула на вошедшего Влада Гордина без всякого интереса. По-больничному белая комната пахла то ли хлоркой, то ли какой-то карболкой. За спиной девушки на полках тесно стояли в ряд папки противного фекального цвета, с тесемками.

— Я к вам, — подойдя к стойке, сказал Влад. — Мне справку надо, что я тут не состою на учете. — Он хотел как можно скорей покончить с этим делом и выйти на свежий воздух. — Дадите? — Он старался дышать пореже.

— Направление у вас есть? — спросила девушка.

— Нет никакого направления, — ответил Влад. — Меня из военкомата прислали.

— Пятый кабинет, — сказала девушка. — Только бланочек вот этот заполните.

— Не надо мне ни в какой кабинет, — сердито отозвался Влад Гордин. — Я в командировку лечу. Дайте справку, что меня в этих ваших папках нет — и все.

— Вы нам тут свои правила не заводите, — ровным голосом сказала девушка. — Идите на рентген, пока никого нет.

В пятом кабинете было сумрачно, как в фотолаборатории. Едва различимый в полутьме врач сидел за маленьким столиком спиной к двери.

— Раздевайтесь до пояса, — не оборачиваясь к Владу, велел врач. — Вот сюда вставайте, вдохните глубоко... Не дышите... Готово. Подождите за дверью.

Сидя на деревянной скамейке, Влад подавленно рассуждал о том, что с этим врачом все равно не имело смысла ни о чем говорить: не рассказывать же ему о поездке на Камчатку! Он делает свое дело: снимает, проявляет. Сейчас закончится вся эта дурацкая история.

Врач выглянул, приотворив дверь, и Влад наконец увидел его лицо — добродушное, круглое, в круглых очках. Врачу было лет под шестьдесят.

— Идите сюда, молодой человек, — гостеприимно позвал врач. — Еще один снимочек.

Теперь Владу было указано лечь на высокий железный стол на спину. Влад ощупью улегся. Симпатичный врач бормотал что-то себе под нос. Над головой Влада знакомо заскрежетало, как будто поехал по игрушечным рельсам игрушечный поезд. Остановился и еще раз поехал. И еще.

— Все! — сказал врач. — Можете вставать. Подождите в коридоре.

Ждать пришлось дольше, чем в первый раз. В приемной появилось несколько человек: старик, мальчишка с велосипедным насосом, женщина с